

Столыпин в гробу. 1911

ФОТО: ИТАР-ТАСС

противном случае грозил выступить «во всеоружии». Подобный тон обращения многие русские министры и депутаты Думы сочли оскорбительным, призвали поддержать сербов. Очень активно подталкивали к такому шагу Франция и Англия.

Но Столыпин настоял на своем: требованиям Берлина и Вены призвал безоговорочно уступить. Руководству Сербии пришлось смириться. Война не началась, а 4 июня 1909 года в финских шхерах состоялась встреча русского и германского монархов. Петр Столыпин доказал кайзеру, что допустить войну между нашими державами ни в коем случае нельзя: она неминуемо завершится падением обеих империй. На Вильгельма II Петр Аркадьевич произвел очень сильное впечатление. Кайзер говорил: если бы у меня был такой министр, Германия поднялась бы на невиданную высоту. На следующей встрече императоров в Потсдаме (1910) удалось сгладить многие противоречия, согласиться на взаимные уступки. Россия обещала не участвовать в английских интригах против немцев, признавала их интересы в Турции, а взамен просила не поддерживать австрийцев на Балканах и признать Северный Иран сферой влияния русских. Стороны должны были принять обязательства не участвовать во враждебных друг другу союзах...

Столыпин взял курс на разрядку и добился на этом пути серьезных успехов. Он мечтал: «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». Тем временем могущественные круги финансово-политической «закулисы» и в Европе, и в Америке готовили мировую бойню, усиленно втягивая Россию в антигерманский альянс. Партия войны, увы, была сильна и в нашей стране, в союзе с французами и англичанами рвалась сокрушить немцев, чтобы использовать схватку в собственных политических интересах.

Для этих кругов Столыпин был бы препятствием даже в случае отставки с поста премьера. На любой должности в кризисной ситуации он подал бы свой авторитетный голос — с весомыми шансами на то, что царь его услышит.

В таком контексте, возможно, находит объяснение и самоубийственная игра Богрова (шантажировать его, в сущности, было нетрудно), и просчеты «охранки» (как

показал 1917-й, в этом ведомстве у заговорщиков имелись «свои люди»).

Следующую попытку втянуть Россию в большую войну, в 1912-м, предотвратил Григорий Распутин, которого два года спустя в критической ситуации тоже вывели из строя: на него покушалась мещанка Хиония Гусева.

Петр Аркадьевич предвидел свою насильственную смерть. Его завещание начиналось словами: «Я хочу быть погребенным там, где меня убьют». Похоронили Столыпина в Киево-Печерской лавре, где несколькими днями ранее он побывал вместе с царем. Тут же посыпались предложения установить ему памятник. То, как его уважали в российском обществе, показал красноречивый факт: всего за три дня деньги на мемориал собрали в одном Киеве. Через год после смерти премьера ему открыли сразу два памятника (в Киеве и Саратове). На постаменте первого из них высекли слова: «Вам нужны великие потрясения — нам нужна Великая Россия». Сразу после Февральской революции оба монумента снесли, поскольку победили сторонники великих потрясений и открыто в этом расписались.

Памятник Столыпину в Киеве, воздвигнутый в 1912 году к годовщине смерти

